

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 903'1

Д.Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

О ДВУХ ПУТЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ СЕЙМИНСКОГО ТИПА НА ВОСТОК

Изучение сейминско-турбинской эпохи (культуры, феномена, традиции) включает множество аспектов. Один из них – распространение бронзовых изделий из первоначальной области формирования сейминско-турбинской металлургии на восток, вследствие чего подобные находки встречаются на обширных пространствах Центральной Азии и Сибири. В Древнем Китае, по мнению большинства исследователей, благодаря этому появились три важнейшие культурные инновации – колесный транспорт, коневодство и металлургия. Свидетельством продвижения носителей сейминской традиции в указанных направлениях, кроме характерных бронзовых изделий, являются наскальные рисунки. Среди них особое значение имеют изображения лошадей, выполненные в характерной сейминско-турбинской традиции – с тяжелой передней частью туловища, постриженной нависающей челкой и длинным, слегка отставленным хвостом. Реже, но в стилистически близкой манере, изображались быки и верблюды. Наибольшее количество таких изображений сейчас известно в петроглифах Центрального и Восточного Казахстана. Зафиксированы они и в других регионах.

В статье приводится широкий спектр мнений по проблеме формирования, развития и распространения яркого культурно-исторического явления древности – сейминско-турбинского феномена.

Ключевые слова: эпоха бронзы, сейминско-турбинская металлургия, бронзолитейное производство, традиция, культура, миграция, Волго-Уральский очаг, Алтай, Барабинская лесостепь, Кузнецкая котловина, Прииртышье, культуругенез, Ростовка, Самусь-IV, наскальные изображения, мелкая пластика, наконечники копий, кельты, ножи.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-01

В работах Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1987, 1989], с учетом всех имеющихся материалов на уровне конца 80-х гг. XX в., была представлена общая концепция развития сейминско-турбинского транскультурного феномена, выделены отдельные группы памятников и соответствующие им очаги бронзолитейного производства. При этом следует признать, что количество находок в восточном ареале распространения сейминско-турбинских бронз все же остается ограниченным, несмотря на столь известные и уже ставшие эталонными памятники – могильник Ростовка около г. Омска [Матющенко, Сеницына, 1988] и поселение Самусь-IV около г. Томска [Косарев, 1981, с. 86–111]. Недавние открытия и публикации двух новых замечательных комплексов сейминско-турбинской металлургии – значительной серии бронзовых изделий (около 130 экз.), найденных на берегу Шайтанского озера около г. Екатеринбурга вместе с керамикой коптяковской культуры [Сериков, Корочкова, Кузьмина, Стефанов, 2008; Корочкова, Стефанов, 2010], и не менее ярких материалов, в том числе великолепных художественных изделий, из разрушенных погребений на Иртыше в окрестностях Омска [Молодин, Нескоров, 2010], актуализируют исследования в этом направлении.

Представление о характере распространения сейминско-турбинских бронзовых изделий на восток во многом зависит от того, как определяется начальная область формирования сейминско-турбинского бронзолитейного производства. Согласно исследованиям Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 251], – это «...районы Рудного Алтая,

бассейна верхнего Иртыша и в меньшей степени Восточного Семиречья». Таким же образом «... в Восточном Казахстане, на Алтае и в Семиречье» локализовала этот район Е.Е. Кузьмина [1992, с. 44; 1994, с. 257–260]. Еще раньше о восточноказахстанском или алтайском очаге сейминско-турбинской металлургии писали С.С. Черников [1960, с. 86, 136 и др.], Ю.С. Гришин и Б.Г. Тихонов [1960, с. 29, 91 и др.]. В представлениях Ю.Ф. Кирюшина [1992, с. 66], «... Алтай понимался вместе с горной и предгорной зонами и прилегающим Рудным Алтаем, входящим ныне в Восточный Казахстан». В дальнейшем именно такое – широкое по фактическому наполнению и подчеркнуто региональное с точки зрения определения места исхода сейминско-турбинской традиции – отношение закрепилось в барнаульской школе археологии [Алтай в системе..., 2006; Грушин, Папин и др., 2009]. Независимо от этих комментариев данная область (в ее широком значении) признается большинством исследователей как первоначальная зона формирования сейминско-турбинской металлургии, откуда происходило ее дальнейшее распространение.

Сказанное отнюдь не снижает значения Волго-Уральского очага культуругене-за, в развитии которого, по мнению В.С. Бочкарева [1995, с. 26], помимо местных традиций, особую организующую роль сыграл «фактор сейминско-турбинский», связанный с приходом «из Сибири сильно вооруженных и хорошо организованных групп», предполагаемых носителей распространения соответствующих традиций на запад. Что касается восточного направления, то здесь важное методическое значение имеет определение в монографии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 271] двух фаз в развитии сейминско-турбинского феномена – фазы передвижения и фазы стабилизации. Это позволяет предполагать, что между районами стабильного обитания носителей сейминско-турбинской традиции в перспективе могут появиться еще неизвестные находки, и тогда пути их распространения будут обозначены более определенно. Или фаза передвижения носила столь скоротечный характер, что археологически неувовима.

История открытия и интерпретации изделий сейминско-турбинского типа на Алтае хорошо изложена С.П. Грушиным [2000, с. 38] в одном предложении: «Нахождение отдельных предметов, относящихся к сейминско-турбинской традиции; предположение о наличии на Алтае одного из очагов сейминско-турбинского производства; появление сейминско-турбинских вещей в закрытых комплексах; предположение об алтайском происхождении некоторых групп предметов сейминско-турбинской традиции... гипотеза о зарождении на Алтае всего сейминско-турбинского феномена». На алтайском материале выделены этапы развития сейминско-турбинской индустрии [Грушин, 2008, рис. 1; Грушин, Папин и др., 2009, с. 127, табл. I]. На основании радиоуглеродных дат высказано предположение, довольно быстро перешедшее в уверенность о зарождении самой ранней, досейминской металлургии на Алтае [Кирюшин, 1992, с. 68; 2002, с. 75–88; Грушин, 2000; Грушин, Папин и др., 2009, с. 125–128].

Между тем следует отметить, что само понятие «Алтай» применительно к местам нахождения сейминско-турбинских бронзовых изделий не столь однозначно. Абсолютное большинство их происходит с территории Западного и Рудного Алтая (или Восточного Казахстана); в северном, степном Алтае, представлявшем, судя по всему, ближайшую периферию первичного очага сейминско-турбинской металлургии, подобные находки встречаются значительно реже. В собственно Горном Алтае их вообще нет. На-

конечник копья из с. Соузга (Майминский район) найден, по сути дела, еще в северных предгорьях Алтая, а ближайший аналог елуниному ножу – нож из Усть-Муты – происходит из другой оконечности Горного Алтая (Усть-Коксинский район, пограничный с Северо-Западной Монголией). Пока трудно сказать, как он там оказался.

Показательно, что после открытия следов бронзолитейного производства на поселении Самусь-IV было высказано предположение о существовании среднеобского центра сейминско-турбинской металлургии [Косарев, 1963]; после раскопок могильника Ростовка на Иртыше был поставлен вопрос о выделении среднеиртышского центра производства сейминско-турбинских бронз [Матющенко, 1978]. Очевидно, в этом ряду следует рассматривать и возможность выделения северо-алтайского (или верхнеобского) очага сейминской металлургии, скорее всего, действительно одного из наиболее ранних, во всяком случае, ближайшего к первоначальной области формирования. Дальнейшее ее распространение на восток пока представляется в самых общих чертах. На этом этапе изучения целесообразно разделить существующих дефиниций с сохранением общей стадиальной основы «сейминская»: сейминско-турбинская – для всего восточноевропейского региона (возможно, с учетом находок на Шайтанском озере, в перспективе коптяковско-сейминская – для Приуралья); самусьско-сейминская – для Западной Сибири; пока просто сейминская – для всех более восточных областей.

Характеризуя региональные группы памятников, Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 31] выделяют «...самую восточную и территориально наиболее аморфную» из этих групп, называя ее саяно-алтайской, «...представленную небольшими могильниками на Северном Алтае (Елунино, Цыганкова Сопка-II, Клепиково), а также единичными случайными находками из обширной территории северных предгорий Саяно-Алтайской горной системы, приуроченной к бассейнам по преимуществу верхнего течения рек Иртыш, Обь и Енисей». «Возможно, – отмечают далее авторы, – можно было бы наметить в согласии с этой близостью к основным рекам три группировки, однако нам показалось более целесообразным рассматривать эту группу в целом» [Черных, Кузьминых, 1989, с. 31].

С одной стороны, с этим можно согласиться, а с другой – нет. Действительно, памятники и находки сейминского типа на востоке сравнительно немногочисленны и более дисперсны, чем на западе. Однако, как уже говорилось, именно область верховий Иртыша относится к первичной зоне формирования сейминско-турбинской традиции; верховья Оби, скорее всего, представляют ее ближайшую периферию; а на Енисее такие находки вообще исключительная редкость. Вряд ли их следует рассматривать в рамках одной восточной зоны в целом. Если же конкретизировать известные сейчас находки бронзовых изделий сейминского типа или предметов, служивших для их изготовления, в восточном ареале распространения по отдельным областям, руководствуясь при этом теоретическим положением Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых о двух «фазах» развития сейминской индустрии (передвижения и стабилизации), то картина будет приблизительно следующей. При этом мы намеренно не касаемся вопросов хронологии и не акцентируем внимание на культурной принадлежности носителей сейминской традиции на восток, как наиболее сложные и до сих пор дискуссионные.

Ближайшая после Северного Алтая область стабилизации носителей сейминской традиции в этом направлении – Барабинская лесостепь, где благодаря многолетним исследованиям В.И. Молодина [1985, рис. 28–30] найдены уже довольно многочислен-

ные следы присутствия сейминской металлургии: ножи, орнаментированные кельты, литейные формы для отливки наконечников копий. По своему составу эти находки соответствуют материалам поселения Самусь-IV или Ростовки. Обнаружены и такие специфические памятники, как погребения литейщиков с характерным для них инструментарием и инвентарем [Молодин, 1983], свидетельствующие о том, что подобные изделия не только поступали в готовом виде, но и изготавливались на месте. Отдельную группу предметов образуют бронзовые кинжалы с двухтавровой рукояткой [Молодин, 1993, рис. 1–3, 7], типологически сопоставимые с кинжалами типа Второго Каракольского клада на Тянь-Шане [Винник, Кузьмина, 1981; Молодин, 1993, рис. 8.8–12] и, вероятно, имевшие с ними один источник происхождения. Все подобные находки в Барабе относятся к кротовской культуре, синхронной окуневской культуре на Енисее или самусьской на юге Западной Сибири, т.е. к доандроновской бронзе.

Отдельные находки бронзовых изделий сейминского типа известны в Кузнецкой котловине: два кельта, один наконечник копья, одна литейная форма для отливки богато орнаментированного кельта с поселения Танай-4 [Бобров, 2000, рис. на с. 77]. В связи с раскопками на поселении Танай-4 В.В. Бобров [2000, с. 78] отметил, что в полученных керамических материалах «...среди почти 10 тыс. находок нет ни одного фрагмента андроновской керамики»; при этом приблизительно равным оказывается керамический комплекс самусьской и крохалевской культур. Говорить о какой-либо стабилизации «сейминцев» по этим находкам бронзовых изделий трудно; скорее, они соответствуют «фазе передвижения».

Своеобразное положение складывается в соседней Минусинской котловине, благоприятные условия проживания в которой должны были привлекать (и, как показывает археологическая периодизация, привлекали) носителей разных культурных традиций, в том числе и сейминской. Однако изделий сейминского типа здесь известно немного (практически все они собраны в одной таблице, составленной Н.Л. Членовой [1977, рис. 5.-11–16]): один кельт, один наконечник копья, фигурка стоящей лошади на горизонтальной планке (возможно, обломанное навершие), а также два-три предмета, не поддающиеся точному определению. Уже позже три совместные находки (две из них весьма характерных форм – орнаментированный треугольниками и цепочкой «свисающих» ромбов кельт и небольшой наконечник копья с вильчатым стержнем) – клад? – были обнаружены в с. Верхняя Мульга (Курагинский район Красноярского края) [Леонтьев, 2002]. По условиям нахождения и типологическим особенностям предметов это наиболее «чистый» и, по-видимому, один из ранних комплексов изделий сейминского типа на Енисее. Судя по всему, он представляет крайнюю точку распространения, которой достигли носители сейминской традиции на северо-востоке. Далее в этом направлении подобных находок нет. Путь продвижения их сюда точно не определен, но, скорее всего, это был Ачинско-Мариинский коридор, соединяющий Кузнецкую и Минусинскую котловины. Далее распространение уже могло носить локальный характер.

Присутствие носителей сейминской традиции в Минусинской котловине, помимо отдельных находок, подтверждается и некоторыми изобразительными материалами. В свое время Н.Л. Членовой [1977, с. 106] было высказано предположение о том, что «...окуневской культуре, родственной по керамике и скульптуре с культурами типа Ростовки и Самусь-IV, свойственны бронзы сейминско-турбинского типа, но в силу

особенностей погребального обряда их не клали в могилы». В дальнейшем эта точка зрения никак не подтвердилась, но и не была опровергнута. Между тем уже давно обращает на себя внимание, что на одном из самых известных изображений окуневской культуры на плите из могильника Черновая-VIII (так называемое божество с копьями) показаны наконечники копий, по своим очертаниям более всего напоминающие сейминские [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. ЛП.-114; рис. на обложке]. В характерной сейминско-турбинской изобразительной традиции выполнена фигурка стоящей лошади на плите с изображением эпохи бронзы, использованной в погребении тесинского этапа могильника Есино-III [Савинов, 2000, рис. 1]. Следует отметить, что именно из этих мест (Бейское, Усть-Есь) происходят наиболее характерные из названных выше бронзовых изделий сейминского типа.

Указанные области – Северный Алтай, Барабинская лесостепь, Кузнецкая и Минусинская котловины с прилегающими более северными районами – можно связать под одним общим наименованием: северный путь распространения изделий сейминского типа, где процессы стабилизации, хотя и не в полной мере, более ощутимы, чем «фаза передвижения». Возможность культурной атрибуции данных находок противоречива. С одной стороны, именно в этом ареале – от Северного Алтая через Барабинскую лесостепь до Ачинска и центральной части Минусинской котловины – повсеместно, практически сплошной полосой, распространены памятники андроновской (федоровской) культуры, что может быть использовано как основание для соотнесения с ними бронзовых изделий сейминского типа. С другой стороны, по конкретным условиям нахождения в памятниках выделенных предшествующих культур (елунинской, кротовской, самусьской, окуневской) они относятся к одному культурному горизонту «доандроновской бронзы». При этом все исследователи согласны в том, что каждая из этих культур доживает до андроновского времени, что может обеспечить преемственность передачи сейминских традиций.

Другой – южный – путь, наиболее полно исследованный Е.Е. Кузьминой, проходил от Рудного Алтая (Восточного Казахстана) через Семиречье (места нахождения Каракольских кладов) и Северо-Западную Монголию в сторону Восточного Туркестана и западных провинций Китая. Именно с этим путем, в первую очередь, должна быть связана трансляция важнейших культурных достижений эпохи (колесница, коневодство, металлургия бронзы), сыгравших столь значительную роль в древней истории Китая. Характерных бронзовых изделий сейминского типа (наконечников копий, орнаментированных кельтов, ножей и кинжалов с фигуративными навершиями) на южном пути не обнаружено, но на другом конце этой «цепочки», в Китае, в провинции Циньхай и на поселении Шэньяна (там же) найдены типично сейминские наконечники копий с листовидной формой пера и крюком у основания втулки [Молодин, Комиссаров, 2004, рис. 1.-1–2]. Сам факт нахождения этих копий весьма знаменателен, так как позволяет предполагать возможность обнаружения подобных предметов как в самом Китае, так и на промежуточных участках южного пути и в дальнейшем. При этом «...как своеобразные реминисценции сейминско-турбинской традиции, – отмечают В.И. Молодин и С.А. Комиссаров [2004, с. 51], – могут восприниматься отдельные наконечники копий иньского времени из Аньяна, хотя они заметно отличаются в деталях оформления».

Свидетельством продвижения носителей сейминской традиции в этом направлении являются наскальные изображения лошадей, выполненные в характерной

сейминско-турбинской традиции – с тяжелой передней частью туловища, построенной нависающей челкой и длинным, слегка отставленным хвостом. Реже в стилистически близкой манере изображались быки и верблюды [Пяткин, Миклашевич, 1990, рис. 2]. Наибольшее количество таких изображений представлено в петроглифах Центрального и Восточного Казахстана [Самашев, 1992, рис. 26, 52, 167, 168; Новоженев, 2002, рис. 8; табл. 2.-6, 8; и др.]. Единичные рисунки известны на самой южной оконечности Горного Алтая [Шер, 1980, рис. 53]. Более представительно наличие данного изобразительного пласта в крупных местонахождениях Монгольского Алтая (Бага-Ойгур, Цагаан-Салаа и др.), «открытых» в сторону предполагаемого южного пути [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, №89, 103, 224, 346 и др.]. Среди хорошо изученных тысячных серий наскальных изображений собственно Горного Алтая, Тувы, а также Минусинской котловины (кроме упомянутого выше рисунка на плите из могильника Есино-III) таких рисунков нет. Данное обстоятельство позволяет рассматривать подобные изображения в качестве одного из индикаторов путей распространения носителей сейминской традиции [Савинов, 2007], даже при отсутствии находок соответствующих бронзовых изделий.

Не меньший интерес вызывают некоторые антропоморфные изображения, представляющие стоящие мужские фигуры, иногда парные, вооруженные длинными копьями с наконечниками копий типа сейминских [Кляшторный, Савинов, 2004, рис. 9]. В одном случае (Цаган-Гол) ниже на той же плоскости показаны фигурки лошадей, выполненные в характерном сейминско-турбинском стиле [Новгородова, 1984, рис. 50]. В отличие от большинства других антропоморфных фигур в петроглифах Монгольского и Русского Алтая [Кубарев, 2003, табл. I–IV], цаган-гольские воины изображены с детально проработанными особенностями костюма и экипировки. Показаны туго подпоясанные длинные (до колен) кафтаны, высокие мягкие (кожаные?) сапоги, к поясу сзади подвешен плавно очерченный «хвост», головные уборы – шляпы с округлым верхом, украшенные перьями. Приталенная плотно прилегающая одежда на этих воинах напоминает одеяние известного «конного лыжника» из Ростовки [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 66.-2; Ковтун, 2008, цв. вклейка]. По-видимому, таким же образом были одеты и другие персонажи из этой серии [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, №126, 185, 840, 880 и др.].

Все подобные изображения явно одновременны и показаны достаточно реалистично: или стоящими «подбоченясь» с длинным копьём в левой руке (рис. 1.-1–3); или идущими с какой-то «палкой» с подвешенным к ней круглым предметом (типа «кистень» на длинном ремне?) (рис. 1.-7–9). Одна такая фигура известна и в петроглифах Южной Тувы – Кызыл-Мажалык [Дэвлет, 1992, рис. 3]. Некоторые персонажи изображены в позе «победителя» (одна рука опущена вниз, другая поднята вверх) (рис. 1.-4–6), скорее всего, отражающей определенную мифологему (или эпический образ). Контурные приемы нанесения большинства подобных рисунков, передача вполне узнаваемого вида одежды, типов оружия и поз придают этим изображениям наибольшую историческую достоверность. К ним могут быть «привязаны» и некоторые другие антропоморфные фигуры и сюжетные композиции этого изобразительного пласта. Чисто гипотетически хотелось бы предположить, что это и есть изображения тех носителей сейминских традиций, которые продвигались на восток, по южному пути, вдоль юго-западных и южных склонов Монгольского Алтая.

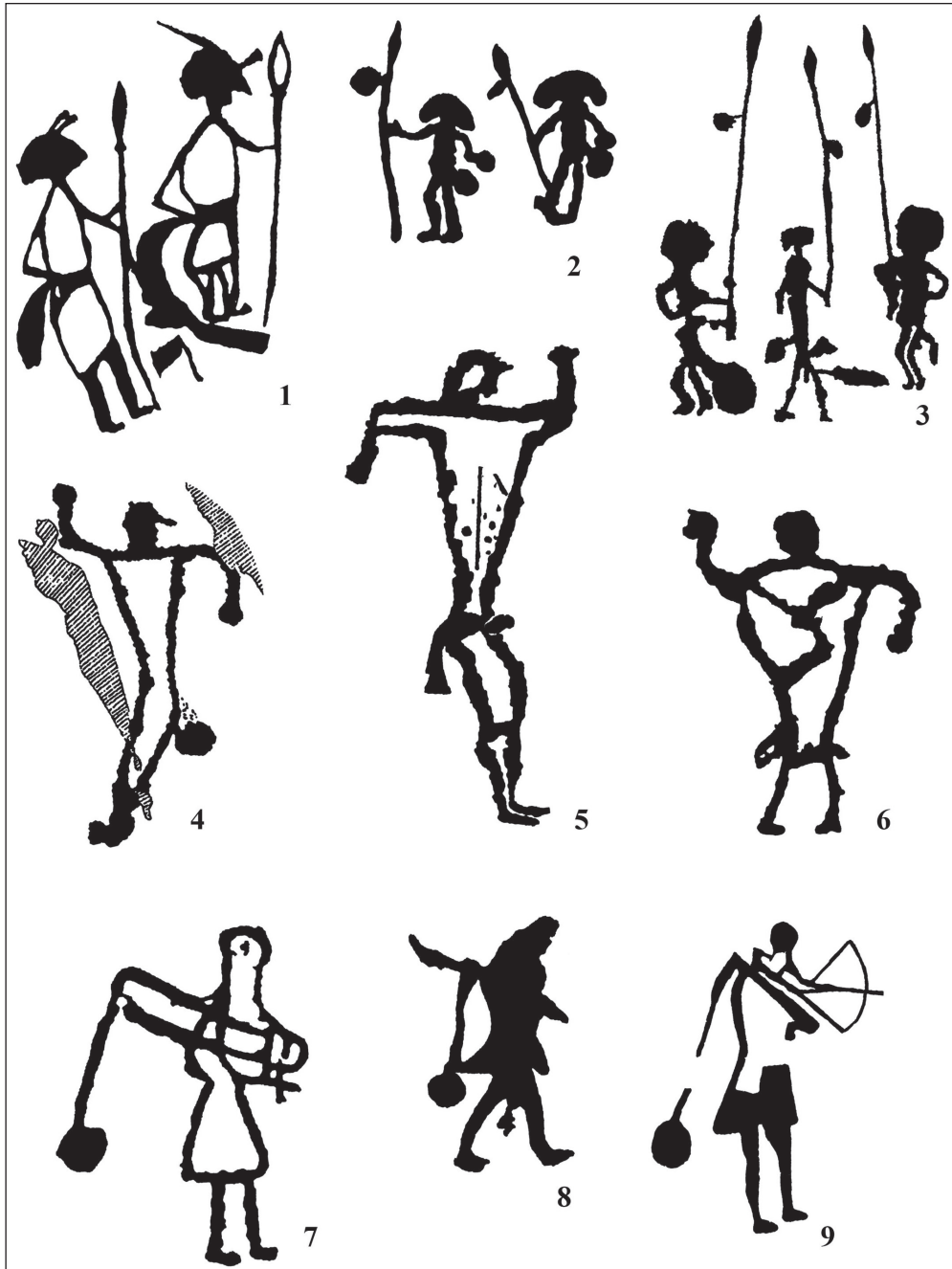

Рис. 1. Изображения предполагаемых носителей сейминской традиции в петроглифах Монголии (1, 3–8), южных районов Горного Алтая (2) и Тувы (9): 1 – Цагаан Гол (по: [Новгородова, 1989]); 2 – р. Чуя (по: [Черемисин, 1990]); 3–4 – Цагаан Гол (по: [Jacobson-Terfer, Kubarev, Tseveendorj, 2006]); 5–6, 8 – Цагаан-Салаа; 7 – Бага-Ойгур (по: [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005]); 9 – Бижигтиг-Хая (по: [Дэвлет, 1992])

Рассмотренные материалы, а количество их, наверное, можно было бы увеличить, показывают, что существовало два пути продвижения носителей сейминской традиции в восточной части Евразийских степей, условно обозначенных как северный и южный. Тот и другой начинались из первичной области формирования сейминско-турбинской металлургии (Верхнее Прииртышье, Западный Алтай и Восточный Казахстан), где имелись наиболее крупные рудные месторождения, но в дальнейшем они протекали по-разному. Северный путь – это лесостепной коридор, на протяжении которого складывается ряд зон относительной стабильности: Северный Алтай – Бараба – Кузнецкая (?) и Минусинская котловины. Продвижение и стабилизация по этой «полосе», вероятно, не были случайными, так как давали возможность носителям сейминской металлургии (а это могли быть и отдельные подвижные отряды специалистов-ремесленников) вступать в тесные контакты с населением как более южных (степных), так и более северных (лесных) территорий. Культурная принадлежность найденных там изделий сейминского типа, начиная от самусьской культуры на юге Западной Сибири до окуневской культуры Минусинской котловины, могла быть различной.

Южный путь – это предгорные области северо-запада Центральной Азии и восточные отроги Тянь-Шаня, где выделяются два основных очага стабилизации – внутренние районы Тянь-Шаня (Семиречье) и Восточный Туркестан (Синьцзян). Последняя область, как и Минусинская котловина на северном пути, вообще служила центром притяжения носителей различных культурных традиций – афанасьевской, андроновской, бегазы-дандыбаевской, карасукской [Заднепровский, 1993; Молодин, Алкин, 1997; Варенов, 1998]. Пространство между ними и далее, где пока нет подобных находок, более соответствует «фазе передвижения». Не исключено, что процессу стабилизации в этих местах препятствовали племена изучаемой А.А. Ковалевым [2007] чемурчекской культуры. Существование различных традиций эпохи бронзы в Хангае и Северо-Западной Монголии демонстрируют каменные изваяния: стилистически очень цельные и в то же время весьма специфические – чемурчекские [Ковалев, 2007, рис. 4–9] и антропоморфные стелы из святилища из Нарийн Хурумта, сопоставленные нами с изображениями мелкой пластики из Прииртышья [Кляшторный, Савинов, 2004, рис. 4–7].

Между этими двумя «путями» – северным и южным – не было и вряд ли вообще были возможны какие-либо осязаемые связи. Там, в горностепных массивах севера Центральной Азии, до сих пор неизвестны изделия сейминского типа, нет там и памятников андроновской культуры. Их нет, как уже говорилось, в Горном Алтае, нет в Туве, Северной Монголии и Забайкалье. В этих обширных, преимущественно горных областях, которые по каким-то причинам обходили как сейминские металлурги, так и носители андроновской культуры, в это время складывается особый – «третий» – мир культур эпохи бронзы [Савинов, 1993]. Возможно, уже тогда или в недалеком будущем там образуется так называемая культура херексуров и «оленных» камней, создатели которой пользовались уже не сейминскими, а карасукскими бронзами.

Отдельные случаи нахождения андроновской керамики в Восточном Туркестане [Молодин, Комиссаров, 2004, рис. 2], по своему происхождению явно не связанной с андроновской культурой Сибири, а также бронзовых изделий андроновского типа [Хаврин, 1992; Бехтер, Хаврин, 2002, рис. 1; Кузьмина, 1994, рис. 54; 2010, рис. 48, 49, 52; и др.] дают возможность предполагать присутствие там «андроновцев», среди

которых могли быть и носители сейминской традиции. Находки практически одинаковых золотых височных колец андроновского типа с фигурками лошадей, выполненных в сейминском стиле: одна из погребения со стелой в с. Чесноково (Северо-Западный Алтай), другая в андроновском могильнике Мыншункур (Семиречье), т.е. на трассе предполагаемого южного пути [Ковтун, 2005, рис. IV.-8–9; Кузьмина, 2010, рис. 18.-11, 13], – наиболее убедительное доказательство этого предположения. Однако с каким этапом развития андроновской культуры (или культурной общности) связаны эти находки, сказать трудно.

Говоря о возможной культурной атрибуции изделий сейминского типа на позднем этапе их развития в Западной Сибири, уместно привести мнение О.Н. Корочковой, высказанное в связи с замечательными находками на берегу Шайтанского озера близ г. Екатеринбурга: «Функционирование данного памятника было связано с культовой практикой населения коптяковской культуры (2-я половина II тыс. до н.э.) горно-лесного Зауралья, в том числе металлургов и кузнецов, наследовавших традиции сейминско-турбинской металлообработки, с одной стороны, и воспринявших многие достижения мастеров петровско-алакульского очага – с другой» [Корочкова, Стефанов, 2010, с. 129]. То же самое можно сказать о многих так называемых андронидных культурах, с представителями которых столкнулись носители сейминско-турбинских традиций на этапе формирования этих культур.

Дальнейшая судьба сейминских бронзовых изделий в более восточных областях сложилась по-разному. На севере Центральной Азии они полностью вытесняются карасукскими бронзами, очевидно, не имеющими с сейминскими ничего общего [Парцингер, 2000, с. 74]. На Северном Алтае в это время продолжают существовать несколько видоизмененные в пропорциях типично сейминские наконечники копий и дротиков [Савинов, 1975, рис. 2.-5–6, 15]. По периодизации сейминско-турбинских древностей Алтая, они относятся к этапу поздней бронзы или даже переходного времени [Грушин и др., 2009, с. 96–97, рис. 10.-2–3; 11.-5–6]. В Китае подобной формы наконечники копий с длинной втулкой и уменьшенным оперением доживают до эпохи Западного Чжоу [Комиссаров, 1988, рис. 51–53]. В Юго-Западной Туве, в относительно изолированном до сих пор Монгун-Тайгинском районе, найден уникальный бронзовый кинжал раннескифского времени с перекрестием-«усиками» (типа аржанских) и с навершием в виде идущих друг за другом животных, как на классическом навершии ножа из Сейминского могильника [Чугунов, 1977, рис. 1]. Также до сакского времени, через периоды, соответствующие андроновской и карасукской культурам, сохраняются основные стилистические особенности наскальных изображений сейминско-турбинской изобразительной традиции [Савинов, 2007, рис. 1–3]. Какие скрытые процессы культурогенеза стоят за этими совпадениями – можно только догадываться.

Библиографический список

Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 172 с.

Бехтер А.Б., Хаврин С.В. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района и проблемы восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 73–78.

Бобров В.В. Бронзовые изделия самусьско-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1. С. 76–79.

Бочкарев В.С. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Саратов; СПб.: Б.и., 1995. С. 18–29.

Варенов А.В. Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. 1998. №3. С. 60–72.

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.Б., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.

Гришин Ю.С., Тихонов Б.Г. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 208 с. (МИА. №90).

Грушин С.П. Проблема изучения сейминско-турбинского феномена на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд. Омск. ун-та, 2000. С. 37–38.

Грушин С.П. Бронзовый век Алтая: генезис сейминского турбинского комплекса // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2008. Т. 1. С. 392–395.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 160 с.

Дэвлет М.А. Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 29–43.

Заднепровский Ю.А. Культурные связи населения эпох бронзы и раннего железа Южной Сибири и Сибиряка // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. II: Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб.: Б.и., 1993. С. 99–103.

Кирюшин Ю.Ф. О феномене сейминско-турбинских бронз и времени формирования культуры ранней бронзы в Западной Сибири // Северная Евразия от древности до средневековья. К 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Изд. ИИМК РАН, 1992. С. 66–69.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П. Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 45–53.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Святылище Нарийн Хурумта: древние европеоиды в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №3. С. 88–97.

Ковалев А.А. Чемурачский культурный феномен (статья 1999 года) // А.В.: Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 25–76.

Ковтун И.В. Скульптурная группа из Ростовки // Археология Южной Сибири: сб. науч. тр. к 60-летию со дня рождения В.В. Боброва. Кемерово: РИА КемГУ, 2005. Вып. 23. С. 52–58.

Ковтун И.В. Древнейшие скульптурные изображения лошадиных «причесок» в Северной и Центральной Азии // Тропой тысячелетий: сб. науч. тр., посвящ. юбилею М.А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 139–144. (Труды САИПИ. Вып. IV).

Комиссаров С.А. Комплекс вооружения Древнего Китая: эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, 1988. 120 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.П. Культовый памятник на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // Российская археология. 2010. №4. С. 120–129.

Косарев М.Ф. Среднеобский центр турбино-сейминской металлургии // Советская археология. 1963. №4. С. 20–26.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.

Кубарев В.Л. Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая. 2003. №11. С. 23–35.

Кубарев В.Л., Цэвээндорж Л., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бога-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 639 с.

Кузьмина Е.Е. Об аньянской линии синхронизации сибирских бронз // Из истории Сибири. 1973. Вып. 7. С. 31–39.

Кузьмина Е.Е. Три направления культурных связей андроновских племен и хронология андроновской культурной общности // Северная Евразия от древности до средневековья. К 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Изд. ИИМК РАН, 1992. С. 43–45.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М.: Вост. лит., 1994. 461 с.

Кузьмина Е.А. Предыстория Великого шелкового пути. Диалог культур Европа – Азия. М.: УРСС–КомКнига, 2010. 240 с.

Леонтьев С.Н. К вопросу о сейминско-турбинской традиции на Среднем Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Кн. 1. С. 181–183.

Матющенко В.И. Среднеиртышский центр производства сейминско-турбинских бронз // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 22–36.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка близ Омска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 132 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1983. С. 96–109.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 4–16.

Молодин В.И., Алкин С.В. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Новосибирск: Изд. НГУ, 1997. С. 35–38.

Молодин В.И., Комиссаров С.А. Памятники бронзового века северо-западного Китая (в контексте внешних контактов) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2004. С. 50–65.

Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №3. С. 58–71.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.

Новоженков В.А. Петроглифы Сары-Арки. Алматы: Министерство образования и науки Республики Казахстан, Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2002. 125 с.

Парцингер Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1. С. 66–75.

Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Наука, 1990. С. 146–153.

Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 94–100.

Савинов Д.Г. О «третьем мире» культур эпохи бронзы (Центральная Азия) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 107–109.

Савинов Д.Г. Антропоморфная фигура на каменной плите из могильника Есино-III // Мирозрение. Археология. Ритуал. Культура (МАРК). К 60-летию со дня рождения М.Л. Подольского. СПб.: Мир книги, 2000. С. 119–125.

Савинов Д.Г. Сейминская изобразительная традиция в петроглифах Южной Сибири и Казахстана // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. К 70-летию со дня рождения Т.М. Потемкиной. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. С. 98–103.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.

Серигов Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьмина С.В., Стефанов В.И. Бронзовый век Урала: новые перспективы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: Изд. ИА РАН, 2008. Т. I. С. 341–346.

Хаврин С.В. Памятники андроновской культуры на территории Северного Китая // Северная Евразия от древности до средневековья. К 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Изд. ИИМК РАН, 1992. С. 66–69.

Черемисин Д.В. Петроглифы устья р. Чуй (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Изд. ИА АН СССР, 1990. С. 162–165.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 285 с. (МИА №88).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84–105.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Членова Н.Д. Есть ли сходство между окуневской и карасукской культурами? // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977. С. 96–112.

Чугунов К.В. Находка кинжала раннескифской эпохи из Юго-Западной Тувы // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб.: Изд. ИИМК РАН, 1997. С. 81–86

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Jacobson-Tepfer E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du nord-ouest haut Tsagaan Gol. P.: De Boccard, 2006. 444 p. (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; Fasc. 7).

D.G. Savinov

TWO WAYS OF SPREADING BRONZE PRODUCTS OF THE SEYMA TYPE EASTWARDS

The study of the Seyma-Turbino culture covers many aspects. One of those features is the spread eastward of bronze items originally formed in Seyma-Turbino metallurgy; as a result such findings can be found in the enormous territories of Central Asia and Siberia. According to most researchers the following three important cultural innovations – wheeled transport, horse breeding and metallurgy emerged in Ancient China due to this fact. Specific bronze items, as well as petroglyphs, are the evidence of the Seyma traditions spreading eastwards. The most meaningful of these drawings are the representations of horses with a heavy fore-part of the body, cut overhung forelock and a long slightly stuck out tail which were made according to the Seyma-Turbino traditional style. The representations of bulls and camels are made in a similar style, but are not as widely spread. The petroglyphs of Central and Eastern Kazakhstan are known to have many of such representations. They are also characteristic of other regions.

The article gives a wide range of opinions on forming, developing and spreading the Seyma-Turbino traditions which are considered to be a vivid culture-historical phenomenon of the Ancient times.

Keywords: the Bronze Age, Seyma-Turbino metallurgy, bronze casting, tradition, culture, migration, the Volga-Ural area, Altai, Barabinsk forest steppe, the Kuznetsk basin, Priirtyshye (territories adjacent to the middle and lower reaches of the Irtysh), culture genesis, Rostovka, Samus-IV, petroglyphs, figurines, spear points, socketed axes, knives.